

A romantic scene from a movie. A young man and woman are standing in a lush, fantastical setting, looking at each other. The man is wearing a dark jacket and the woman is wearing a white dress. They are surrounded by pink roses and a large, ornate gothic-style building in the background. The scene is framed by a golden archway.

Александр Дьяков
Седрак Симонян

История бытия

Седрак Симонян

История бытия

«Автор»

2026

Симонян С. В.

История бытия / С. В. Симонян — «Автор», 2026

Запахи и сладость грёз. Смирение от полноты гармоничности образов в ленте памяти. Жизнь.

© Симонян С. В., 2026

© Автор, 2026

Седрак Симонян

История бытия

ЗА МИРАЖАМИ ЮНОСТИ

«Помилуй, Господи. Доведи до прозрения, свершаемые мною и людьми окружающими, дела наши, вытекающие из образа жизни нашей. Будь милосерден. Господи, дай понять, ту сокровенную, определяемую разумом. Ибо мы мечемся в определениях беспредельных. И они к концу времён, становятся чудовищно противоречивыми. Господи, дай не терять себя. Иль толкни моё сознание, моё естество, к тропам прошедшим. Сотри мечты, иллюзии о будущем. Ибо сольются пути во времени.

Глядя из окна легковушки, то ли молился, то ли размышлял Ваню, идя на встречу одноклассников. И всё продолжил своё изъяснение.

«Сорок лет прошло от последнего звонка. В каких сферах витают отголоски умерших моих преподавателей? Дай насытятся запахами ущелья Мандары, где в журчащих речушках рыбачил с друзьями, охотились на тетерева. Кукурузные поля защитили от напасти барсуков, или голодного медведя. Лазили по пещерам, лихорадочностью заядлого кладоискателя... в субботние вечера, и воскресенье, с сельской окраины, поддались в сельский клуб, обозреть бесконечные индийские мелодрамы.

Но не та основа, сколь возможна словесно, - Это насыщенность души. Неотделимо с Божьим пространством. Наполненность им до мерцания млечного пути, и поодаль.

Господи. Ты зеркало души нашей, взираешь со времён сотворения, и оставляешь в вечных сомнениях, в вечных муках, и в вере в Тебя...

В летние знойные вечера, с друзьями, валяясь в сарае сушилке табака, на подстилах из папоротника, рассказывая всякие небылицы. Пока из сумерек, среди мириад светлячков, доносился крик дяди Мелика на буйволах, тащившие арбу, с корзинами листьев табака. И голос его, переполняющее мистическое присутствие в безлюдной глухомани, дополняющей шакальным воям. Полнолуние, магией и страхами своими, всякие кладбищенскими историями и чертовщиной...

Это было толика образа юности моей. И... последний школьный звонок. Куда делись рыванье бригадира, в огромных силосных, куполообразных хранилищах, под грохот комбайна, режущего, швырнувшего в щель, размельчённые стебли кукурузы, жесты рук его, указывающего как всё это растоптать, плотнее трамбовать. И мы, подтрунившие, подшучивающие друг с другом, в неистовой в этой пляске.

Память всегда подобна испорченной пластинке. Лишь отрывки былого, несвязанные отрывки... И стоило бы утонуть в полноте былого, в те мгновения просветления.

И плотью моей впитанное, до последних времён нести всё это, в памяти моей, и в крови моей.

Не состарь мой дух, подобие плоти. Прости, Господи. Знаю, что всё твоё. И воля твоя. А моё... лишь страдание.

Но оно моё!

То чувство песчинки, гонимое муссонами меж пространств реального, ирреального, то цепляясь образа Божия, найдя и теряя в нем себя. То пульсирующее бестелесное сознание мечты о грядущем. Цепляясь за образы минувшего. Воображаемого или настоящего. Вмиг катиться в вечное прошлое. В линейной восприятии реальности.

Запахи и сладость грёз. Смирение от полноты гармоничности образов в ленте памяти. Свершаемо в телесном облике, лишь единожды, в земном приюте. А сонный наблюдатель с

иных сфер, не задумывающий продлить мгновения, значимые для Божьих образов, бросая их на произвол судьбы, этим обрекая навечно, бесконечной круговерти.

Яростные переживания, иль мысли героя освободителя Ваню А. идущий на вечеринку с одноклассниками, посвященный сорокалетию окончания средней школы.

Одноклассники, и единственная учительница Асмик. Несказанно обаятельная. Не давшую превратить вечеринку в сумбурную и тоскливую беседу о прошлом. Подобие панихиды о прожитой сорокалетней давности неразлучных друзей. А ныне, еле познающих друг друга, в искажённых образах времён. От души обнимающиеся, и в этом действии, не раскрепощаясь, но сильным чувством в подсознании, страхом, что действие сие обман, иллюзия, и вскоре в полночь, всё улечуться, останется каждый своим, своей судьбой, в сферах насущных забот, по близким своим.

Наша учительница Асмик. Несравненная, изящная. Кажется, голос её смущает магией своего воздействия, перемещает души присутствующих, в школьные классы. Вот и, мгновение ока, она преобразится, вновь расскажет о Варужане, о Мецаренце, о Интре и Чаренце.

Прозвонит звонок. Все выбегут из класса на перемену, на беспечную юность свою. Заново переживут былые времена. Но, увы...

Единственно сохраненное и неизменное, что время растягивала в своих парадоксах, это кладбищенское пространство.

Вымершее, брошенное село. А тут Кресты, камни- хачкары, могильные плиты. Блаженное инобытие. Кладбищенская тишина. Повсюду запах ладана. А в памяти, смех и грёзы, глас давно умерших душ. Родных, близких, друзей.

Рыдать хотелось. Но лишь вздох тленного тела, постепенно впадение предстарческую дрему. В тени сирени, шуршащей от блуждающих ветров, зажжение свечей, молитвы за усопших.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.